

П.Ю. САУХ, канд. филос. наук,
Украинский ин-т инженеров
водного хозяйства

ПРАВОСЛАВНАЯ МОРАЛЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЕЕ КРИТИКИ

Вопросы морали всегда занимали важное место в православии. Однако этическая направленность православного вероучения особенно отчетливо проявляется в последнее время: более $\frac{2}{3}$ статей, опубликованных в 1980–1984 гг. в «Журнале Московской патриархии», посвящены религиозно-нравственным поучениям, а 80% проповедей священников так или иначе посвящается нравственной проблематике. Повышенный интерес современной православной церкви к нравственным проблемам не случаен. Он объясняется прежде всего тем, что старые представления о боге, о сотворении мира и человека и другие вероучительные каноны не пользуются уже былой популярностью. Успехи естествознания и общественных наук вытесняют идею бога из сознания человека, опровергают религиозные представления о мире и богословскую апологетику религии, порождая сомнение и скептицизм среди рядовых верующих в отношении истинности религиозного миропонимания.

Выдвижение на первый план морального учения в православии повсеместно сопровождается падением авторитета догматики. Церковь вынуждена во многом отступать от своих позиций, чтобы сохранить влияние на массы. Как известно, для нее всегда были дороги не столько догматы сами по себе, сколько власть над людьми. Деятели церкви уже давно поняли, что если они будут отстаивать все пункты своего учения, то окажутся не в состоянии защитить главное. Основной упор в религиозной пропаганде на моральное учение объясняется еще и тем, что вопросы морали близки, понятны и доступны массовому сознанию. Нравственная сфера представляется идеологам православия особенно удобной и эффективной для религиозной пропаганды. Более того, религиозные моральные поучения легче модернизировать, так как они лишены конкретности и допускают самые различные толкования. Пользуясь этим, церковники придают религиозным моральным поучениям такое звучание, которое в данный момент воспринимается лучше всего.

Все же усматривать причины пристального внимания богословов и церковников к морали только в этом было бы не совсем верно. Такой подход порождает мнение, что раньше православные идеологи придавали проблемам морали меньшее значение, а усиление их внимания к моральной проблематике является всего лишь тактическим шагом. Отсюда возможны односторонние выводы и в оценке модернизации православия. Между тем мораль всегда являлась областью, где позиции церкви были наиболее сильны. В условиях социализма возникают лишь новые факторы, которые стимулируют повышенное внимание к проблемам морали. Более того, здесь, как никогда ранее, особенно ярко проявляется кризис религии в сфере интерпретации морали, которая выступает в представлениях религиозных идеологов не только как «пружина» нравственного прогресса, но и как основа общественного прогресса в целом. Отрицание религии связывается в религиозном сознании с гибелью «истинной» – религиозной – морали. Отсюда ставится под сомнение возможность общественного прогресса вообще. Эти представления стимулируют проповедь религиозной морали как единственно «истинной», как основы общественного прогресса общества.

Однако задача богословов и церковников весьма усложняется тем, что в условиях социализма принципы коммунистической морали все более входят в жизнь. Опосредованное отражение в религии находит и тенденция к расширению сферы действия моральных факторов в жизни советского общества, сокращению административного регулирования взаимоотношений между людьми. Видя привлекательность принципов коммунистической морали, богословы еще активнее стремятся доказать социальную значимость морали религиозной. При этом интенсивно ведется поиск таких методов защиты религиозной морали, с помощью которых можно было бы обесценить принципы коммунистической морали. Для доказательства значимости религиозной морали православные богословы пытаются придать

религиозную окраску общечеловеческим моральным нормам, лежащим в основе коммунистической морали.

Как известно, мораль тесно связана с внутренним миром человека, с его переживаниями. Учитывая, что психологический характер морали облегчает идеологам православия воздействие на социально-нравственные чувства человека, богословы и церковники предлагают человеку, оказавшемуся в «конфликтной», или «пограничной», ситуации, религиозный способ их разрешения. Причем путь создания «тревожной духовной атмосферы» считается наиболее эффективным для поддержания и закрепления религиозности. Ибо человек, нашедший в своей жизни удовлетворение и радость, не нуждается в религиозном утешении. «Бытие религии есть бытие несовершенства»¹. Не случайно в церковной проповеди так много говорится о страданиях, несчастье, преподносятся обильные «примеры из жизни» о различных невзгодах. Поиск проявлений несовершенства в жизни людей, различных конфликтных ситуаций – необходимый компонент религиозной проповеди и одна из важнейших предпосылок «доказательства» «гуманизма» и «оптимизма» религиозного мироощущения.

Наряду с этим «моральное богословие» все более выходит за рамки индивидуального, сугубо личностного. Объектом его пристального внимания становятся социально-политические вопросы. Столь необычный поворот связан с духом нашего времени, с возрастанием роли моральной ответственности за судьбы человечества. В условиях обострения идеологической борьбы между капитализмом и социализмом Русская православная церковь не может остаться нейтральной в оценке тех или иных социально-политических проблем. Круг тем, затрагиваемых в богословских трудах и проповедях ее священнослужителей, очень широк: не только глобальные проблемы защиты мира, охраны окружающей среды, научно-технического прогресса, но и проблемы семейно-бытовые, морально-этических отношений в повседневной жизни, борьбы с алкоголизмом и т. д. Акцентируя на них внимание, церковь представляет любовь, радость, мир, честь, благость, милосердие, кротость, воздержание от разного рода пороков как плоды веры в бога, а все, что не укладывается в эти понятия, объявляет следствием отступления от веры Христовой.

Социально-политическая окраска идеологии современного православия укрепляет позиции церковников в толковании нравственной проблематики, ибо, во-первых, дает ему возможность выйти за рамки культовой деятельности и включиться в различные, весьма авторитетные общественно-политические движения, а во-вторых, позволяет представлять религиозную мораль как общественно значимую в глазах не только верующих, но и неверующих людей. Богословы и церковники «доказывают» вечный и непреходящий характер религиозных моральных ценностей, утверждая, что без них человечество регрессирует. Войны и распад семей, загрязнение окружающей среды и распространение алкоголизма объявляются нередко следствием отхода людей от церкви Христовой, забвением ее вероучения².

Нельзя, однако, утверждать что современные деятели религии не признают за атеизмом его нравственного потенциала. Богословы Русской православной церкви, например, считают, что «высшая нравственность и аскетизм возможны и вне христианства»³, а поэтому, подчеркивают они, необходимо с уважением относиться «к тем духовным ценностям и нравственным установкам, какими руководствуются нехристиане в поисках добра и праведности»⁴. При этом деятели церкви утверждают приоритет религиозной морали над светской, как данной в священном завете и потому абсолютно совершенной и будто бы обладающей большей эффективностью воспитательного воздействия.

Все это делает задачу критики религиозной морали особенно актуальной, настоятельно диктует необходимость в нашей атеистической литературе, а также в пропагандистской деятельности уделять больше внимания нравственной проблематике, повышать уровень критики религиозно-моральных представлений.

Эффективности критики религиозной морали можно достичь лишь при условии четкого уяснения того, что необходимо подчеркивать как ложное и что разъяснять как истинное, каким образом показывать несостоятельность религиозно-нравственных «истин», с каких методологических позиций подходить к объяснению заблуждений тех, кто считает

религиозную мораль опорой нравственности. Необходима определенная методологическая «модель» критического анализа религиозно-моральных взглядов и настроений, на которую следует опираться в атеистической работе.

Раскрывая сущность религиозной морали и осуществляя ее критику, важно исходить из марксистско-ленинского учения о формах общественного сознания, согласно которому религия и мораль суть различные явления общественно-исторической и духовной жизни. Как формы общественного сознания они различаются по происхождению, содержанию и функциям.

Это позволяет сделать вывод, что между религией и моралью не существует необходимой, вечной связи. Безусловно, религия, как и другие формы общественного сознания, оказывала весьма глубокое воздействие на мораль. Однако, никогда, даже в пору своего безусловного господства в сфере идеологии, она не представляла собой действительной, первичной основы появления моральных норм. Такую основу представляли экономические условия. Религия же могла лишь придавать некоторую направленность нравственным нормам и их пониманию, освящать определенные нормы именем бога. Нет никакой необходимости верить во что-то сверхъестественное и поклоняться ему, чтобы быть нравственно чистым, добрым, гуманным человеком. Современное развитие духовной культуры при социализме наглядно свидетельствует, что религия закономерно отмирает там, где мир несправедливости и угнетения заменен истинно гуманным миром, где над человеком не господствуют чуждые ему силы, где потенциально безграничное богатство человеческой сущности приобретает все возможности для своего полного раскрытия и всестороннего развития. Освобождаясь от религии, общество идет не к кризису морали, а к ее расцвету.

Однако при всей принципиальной важности такого противопоставления религии и морали и тех выводов, которые отсюда вытекают, этим нельзя ограничиться. Связь морали и религии, даже определенное их переплетение – факт исторический. Поэтому категоричность и односторонность в оценке взаимоотношения религии и морали нежелательны, поскольку они притупляют критику религиозной морали. Философский анализ этих двух форм общественного сознания показывает, что образованию их связи способствовали не только социальные и гносеологические предпосылки, но и некоторые существенные особенности морали и религии. При всем их отличии друг от друга они все же по-своему отражают общественное бытие и удовлетворяют различные потребности того или иного общества. Именно в этом состоит общая основа взаимосвязи и взаимовлияния религии и морали.

Для научно обоснованной критики религиозной морали крайне важно знание ее мировоззренческой основы. Методологической основой религиозной морали является идеалистическое по своей сути учение о том, что окружающий мир создан богом для подготовки человека к переходу в потусторонний мир, где будет обеспечена «вечная жизнь». «Христианство, – подчеркивает митрополит Алексей, – как и другие религии, утверждает первичность духовного начала, – не только в плане бытия, но и во всех направлениях жизни»⁵.

Общечеловеческая «значимость» религиозной морали, о «революционизирующей силе» которой любят говорить богословы, сводится на деле к иллюзорному социальному протесту. В условиях социализма эта «значимость» выражается в том, что она тормозит развитие коммунистических общественных отношений. Через все догматы христианства проходит идея воспитания в людях кротости, покорности и смирения. Религия мистифицирует социально-нравственные чувства человека. Эта мистификация заключается в подмене их источника: им объявляется не человек, а бог. В религии искажается направленность этих чувств, поскольку главным эмоциональным отношением, определяющим все отношения между людьми, провозглашается отношение не к людям, а к богу. Причины тех или иных переживаний, их мотивы изображаются богословами как результат непосредственного проявления божественной воли в сознании человека. Наконец, религия искажает объективную ценность тех или иных чувств человека, поскольку провозглашает, например, страдание, смирение и даже страх перед богом нравственно ценными человеческими переживаниями.

В религиозной морали следует выделить две тесно связанные, но не тождественные друг другу части. Одну из них составляют принципы, наставления и поучения, по своему

происхождению и исходному содержанию не связанные с религией, а «присвоенные» ею. Они обнаруживают свой подлинный смысл, лишь освободившись от религиозных наслоений (примером может быть нравственный принцип «кто не работает, тот не ест»). Вторую часть представляют идеалы, нормы и оценки, неотделимые от главных религиозных идей и вне религии смысла не имеющие (например, христианская заповедь «не сотвори кумира своего»).

В критике религиозной морали необходимо исходить из ее классового характера. Религиозная мораль и в своем богословском выражении, и в сознании и поведении рядовых верующих, будучи в одних случаях более, в других менее осознана ее носителями, поддерживает основы эксплуататорского строя. Господствующие классы усиленно внедряли и внедряют религиозную мораль в массы трудящихся, потому что это способствует их интересам. Религиозно-нравственные призывы к покорности и смирению весьма импонируют эксплуататорам, тем более что подлинные творцы этих богатств сами признают справедливость таких призывов. В связи с этим К. Маркс отмечал, что религия всегда превозносила такие моральные качества, как «трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом – все качества черни»⁶.

Не теряет классового содержания религия и в условиях социализма. В социалистическом обществе она представляет собой пережиток идеологии классово антагонистического общества. Происходящие в ней процессы идеологической адаптации затрагивают лишь поверхностные ее явления, а не существо. Поэтому религиозная и коммунистическая Мораль – это взаимонепримиримые, противоположные по своей природе формы идеологии.

Недооценка в некоторых случаях сложности социально-психологической природы морали не позволяет убедительно показать, каким содержанием наполняются религиозно-моральные идеи, чем они обусловлены, как эти идеи преломляются в сознании верующих, каково воздействие религии на самого человека. В связи с этим не всегда делается четкий вывод о том, что главной причиной нарушения и ослабления социальных связей личности с обществом является ущербный жизненный опыт, жизненная практика человека. Религия освящает этот процесс. Религиозное воздействие на человека состоит прежде всего в стимулировании и закреплении его отчуждения от мира действительности.

В критике нравственных «ценностей» религии недостаточно ограничиваться лишь констатацией внутреннего алогизма религиозных концепций и библейских моральных поучений, раскрытием антигуманного, антиобщественного и антинаучного смысла религиозной морали. Важно прежде всего показать, почему человек принимает те или иные моральные нормы религии, хотя они абстрактны, противоречивы, антигуманны, антиобщественны и антинаучны, почему те или иные моральные требования оказываются созвучными представлениям верующих.

В условиях всеобщей модернизации религиозной идеологии учет главных тенденций обновления и пересмотра различных богословских доктрин, равно как и конкретных способов интерпретации основных религиозных представлений, имеет исключительное значение и для критики религиозной морали. Для повышения эффективности критики религиозной морали одного только знания традиционных религиозно-нравственных принципов недостаточно. Возникает необходимость всестороннего изучения наиболее устойчивых приемов и способов модернизации этих принципов применительно к каждому отдельному религиозному объединению, к каждой типологической группе верующих.

Научно-атеистическая литература нередко содержит в себе главным образом анализ и критику религиозной этики, доктрин старых и новых богословов, при этом обходит стороной анализ и критику религиозной морали, обнаруживающей себя в повседневной жизни верующих. Изучение обыденного морального сознания верующих показывает, что мы порой отталкиваемся, и не только в своих теоретических работах, но и в устной научно-атеистической пропаганде, не от реальной жизни, а от богословских сочинений, где влияние религии на нравственный мир преувеличено. Основная масса верующих ныне не считает принципы религиозного нравоучения главными, руководящими правилами своего поведения, строит свое настоящее и будущее вне жесткой связи с целью достижения «небесного блаженства». Под

влиянием социалистической действительности у верующих постепенно формируется новое отношение к жизни, растет и крепнет реалистическое понимание своих интересов и обязанностей. Важно также учитывать, что верующие воспринимают критику моральных принципов религии как следствие непонимания атеистами подлинных «ценностей» этих принципов. Поэтому здесь методологически необходимо показывать ошибочность попыток отстоять «чистоту» религиозных моральных норм, принципов и идеалов с таких позиций, а также подчеркивать недействительный, абстрактный характер этих норм, принципов и идеалов применительно к переустройству современной общественной жизни, противопоставляя им революционную действенность и направленность идеалов коммунистических.

Коммунистические и религиозные идеалы внешне могут в чем-то совпадать, но по существу они в корне противоположны. Коммунистическая и религиозная мораль несовместимы как с точки зрения этики, т. е. теории морали, так и с точки зрения характера нравственных чувств, хотя религиозно освященное проявление этих чувств иногда может совпадать с развитием нравственных чувств неверующего человека. Однако при этом нельзя ограничиваться простым противопоставлением религиозной и коммунистической морали, ибо оно иногда не только не способствует эффективной критике норм, принципов, идеалов религии, но и вызывает у верующих скептическое отношение к коммунистической морали. Противоположность религиозной и коммунистической морали должна раскрываться через выяснение истоков религиозной морали, ее содержания, способа обоснования истины и характера отражения действительности.

Важнейший методологический принцип предполагает правильное соотношение негативного и позитивного аспектов критики религиозной морали. К сожалению, в научно-популярной атеистической литературе и в практике атеистической работы критический аспект преобладает над позитивным и удерживает еще достаточно прочные позиции. В действительности же именно с позитивным аспектом связано повышение эффективности критики религиозной морали. Ф. Энгельс учил, что «атеизм, как *голое* отрицание религии, ссылающийся постоянно на религию, сам по себе без нее ничего не представляет и поэтому сам еще является религией»⁷. Нередко это важнейшее методологическое замечание упускается из виду. Пропагандисты атеизма, случается, ограничиваются лишь констатацией гуманизма коммунистических моральных идеалов, полагая, что уже одного противопоставления идеалов коммунистической морали социально-нравственным идеалам религии достаточно, чтобы обесценить религиозную мораль в глазах верующего. Простое противопоставление религиозных и коммунистических моральных идеалов не выявляет в полной мере социально-психологических истоков религиозно-нравственных представлений, не дает возможности показать, что религия в конечном счете является иллюзорным протестом против социальных пороков. При всей важности критической стороны необходимо обстоятельнее, глубже изучать и пропагандировать коммунистические нравственные ценности. Крайне важно широко и полно показывать нравственные ценности научного атеизма, его созидательную роль в развитии и укреплении нравственных устоев социалистического общества и личности. Атеизм, будучи не только отрицанием бога, но и утверждением ценности реальной жизни человека, формирует оптимистическое восприятие мира, позволяет по-новому осознать призвание, роль и смысл жизни человека, его интересы и пути достижения свободы. Это – возвращение человеку того содержания, «которого он лишился благодаря религии»⁸.

¹ Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 388.

² Журнал Московской патриархии. 1981. № 3. С. 37.

³ Там же 1980. № 1. С. 60.

⁴ Там же. № 11. С. 47.

⁵ Там же. № 1. С. 60.

⁶ Маркс К. Коммунизм газеты «Reinischer Beobachter» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 204.

⁷ Энгельс Ф. Эдуарду Бернштейну (июль, 1884 г.) // Там же. Т. 36. С. 161.

⁸ Энгельс Ф. Положение в Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее» // Там же. Т. 1. С. 592.